

Примечания

¹ См., в частности: *Котов А.Э.* Рец.: Пророки византизма: Переписка К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова (1875–1891) / Сост., вступ. ст., коммент. О.Л. Фетисенко // *Российская история*. 2012. № 3. С. 208–211.

² *Фетисенко О.Л.* «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб., 2012. Подробнее об этом исследовании см.: *Семиконов Д.В.* Смелость его мысли пугала всех // *Российская история*. 2014. № 2. С. 4–8; *Репников А.В.* «Личность... грешная, ломаная, в которой, однако, есть и великие силы добра» // *Российская история*. 2014. № 2. С. 9–15; *Котов А.Э.* Люди и руины неудавшейся контрреформации // *Российская история*. 2014. № 2. С. 16–19; *Бадаляна Д.А.* Леонтьев и «слишком либеральные»

славянофилы // *Российская история*. 2014. № 2. С. 19–23; *Стогов Д.И.* Воздействие идей К.Н. Леонтьева на русских монархистов начала XX в. ещё нуждается в исследовании // *Российская история*. 2014. № 2. С. 23–26; *Мамонова Е.В.* «Православные миряне» в спорах о Церкви // *Российская история*. 2014. № 2. С. 26–30; *Хорошева А.В.* Конфликт двух исторических схем // *Российская история*. 2014. № 2. С. 30–34; *Хатунцев С.В.* «Кносский дворец» гептастилизма // *Российская история*. 2014. № 2. С. 34–37; *Чесноков С.В., Чернавский А.Ф.* Русские истоки исторической антропологии // *Российская история*. 2014. № 2. С. 37–39; *Тесля А.А.* Леонтьев и окрестности // *Российская история*. 2014. № 2. С. 40–42.

³ *Кохановская (Н.С. Соханская).* Полное собрание сочинений и писем в 7 т. / Под ред. О.Л. Фетисенко. Т. 1–3. СПб., 2023.

Григорий Кан

Романтик революции*

Grigoriy Kan

(State Archive of the Russian Federation, Moscow)

The romantic of the revolution

DOI: 10.31857/S2949124X24030143, EDN: GCQPLB

Известный специалист по истории народничества О.А. Милевский выпустил в свет научную биографию В.А. Осинского, деятельность которого так или иначе затрагивалась во многих исследованиях, но никогда ещё не освещалась столь обстоятельно. Об этом убедительно свидетельствует тщательный обзор историографии, открывающий книгу (с. 9–25). Между тем Осинский был ярким революционером второй половины 1870-х гг., предвосхитившим народовольческий террор. Анализируя его жизненный путь и взгляды, автор проявил разностороннюю эрудицию и использовал множество опубликованных и архивных документов — воспоминаний,

дневников, полицейских материалов (с. 25–34).

Валериан Андреевич Осинский родился в 1852 г. в Таганроге в дворянской семье. Его отец, помещик средней руки, служил в Корпусе инженеров путей сообщения, но покинул его из-за конфликта с гр. П.А. Клейнмихелем, получив при отставке чин генерал-майора. Дабы обеспечить жену, четырёх сыновей и двух дочерей, он пытался заняться хозяйством в имении Красноселье Екатеринославской губ., но потерпел неудачу и со временем превратился в раздражительного и пьющего домашнего тирана, который в состоянии психического расстройства иногда ходил

* *Милевский О.А.* Ступени на эшафот. Жизнь и судьба Валериана Осинского, идеолога русского политического террора. СПб.: Алетей, 2023. 560 с.

с револьвером и приставлял его к виску спящих детей. Поскольку старшие братья учились в столице, именно Валериан с детства защищал горячо любимую мать, сестёр и младшего брата от отцовского гнева (с. 37–47). Благодаря этому, как пишет Милевский, «уже к 12 годам у него сформировались вполне независимый характер и свои представления о чести и справедливости» (с. 47).

Няня прививала обожавшим её детям Осинских любовь к южнорусскому фольклору, где «традиционно присутствовала языческая вера в сверхъестественные силы, с которыми соседствовали представители потустороннего мира – черти, мертвецы и т.п.», а мать читала и пересказывала им Евангелие. «По обычаю тогдашнего обязательного воспитания, – вспоминала сестра революционера Л.А. Осинская, – были изучены нами чуть ли не с младенчества разные молитвы, которые обязательно читались и утром, и вечером перед иконами, но неприятная славянщина ни мало не говорила ни уму, ни сердцу, тогда как личность Христа захватывала воображение и чувства, и мы даже вне времени уроков повторяли друг другу слышанные от матери события его жизни» (с. 49)¹.

Заметно влияла на Осинского и литература. Известно о его увлечении стихами Дж.Г. Байрона, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова и Т.Г. Шевченко (с. 58–59, 92–93). Выучив с помощью матери французский и немецкий языки, Валериан мог читать и на них (с. 58–60). Позднее, в 15–18 лет, он самостоятельно освоил английский и польский (с. 91–92). Однако о круге его чтения можно только догадываться. Милевский считает, что он «не избежал» знакомства с приключенческими романами Дж.Ф. Купера, Т.М. Рида, Г. Эмара. Романтичный и энергичный подросток увлекался охотой

и верховой ездой, демонстрируя полное пренебрежение к опасности, сочинял авантюрные истории, в которых приписывал себе важную роль (с. 62–63, 66). Во всяком случае, под воздействием сочинений Н.В. Гоголя, Н.А. Некрасова, В. Гюго, У. Шекспира, Ф. Шиллера, Ф. Шпильгагена, рассказов о Дж. Гарибальди и т.п. у многих будущих революционеров-семидесятников складывался культ героики и самопожертвования (с. 67–76, 83–85, 101–106), что впоследствии способствовало их вовлечению в борьбу с правительством. Подталкивало к этому и распространение материалистических идей, которые черпались из работ Ч. Дарвина, Л. Фейербаха, Л. Бюхнера, Я. Молешотта, К. Фогта и их российских популяризаторов – Н.Г. Чернышевского и др. (с. 78–81, 96–101). В частности, на Осинского оказали «огромное влияние» сочинения Д.И. Писарева и Н.А. Добролюбова, обнаруженные им в обширной библиотеке жившего по соседству судебного следователя (с. 81–82). В целом же, «к основным типологическим чертам» народников 1870-х гг. Милевский относит «материалистическое мышление, атеизм, веру в свободу личности, антимонархизм, демократизм, эклектизм социального мировоззрения, стремление к социальной справедливости, новую этику, а главное – народолюбие (с. 117). Большую роль в оформлении такой системы взглядов сыграли работы Н.К. Михайловского и особенно «Исторические письма» П.Л. Лаврова, провозгласившие идею «неоплатного долга интеллигенции перед народом» (с. 124–129).

В 15 лет Осинский уехал из родительского имения в Бахмут, где служил его старший брат. После двух лет усиленной подготовки он блестяще сдал экстерном экзамены в Таганрогской классической гимназии, заслужив похвалу директора и учителей,

высоко оценивших его начитанность и познания в математике (с. 119). Летом 1871 г., успешно выдержав вступительные испытания, Осинский поступил в петербургский Институт инженеров путей сообщения, но вскоре разочаровался в учёбе: его не устраивал поверхностный и прикладной характер образования, раздражала утилитарная и карьеристская мотивация подавляющего большинства студентов. Вскоре он погрузился в русские и иностранные книги по социально-гуманитарной тематике, открыл для себя произведения М.Е. Салтыкова (Н. Щедрина), которые перечитывал много раз (с. 121–141).

Оказавшись в 1872 г. на строительстве Ландварово-Роменской железной дороги, молодой человек наблюдал за бессовестно наживавшимися подрядчиками и предпринимателями и тяжёлой жизнью рабочих. Считая себя социалистом, он сблизился с радикалами, однако личный опыт общения с крестьянами заставлял его критически относиться и к бакунистской идеализации мужика, и к лавристской проповеди социализма в народе (с. 142–154).

В 1873 г. Осинский оставил институт и устроился товарищем секретаря уездной земской управы в Ростове-на-Дону, где его старшие братья играли видную роль в общественной жизни. Видя вокруг себя лишь ложь, произвол и насилие, юноша надеялся на то, что работа в земстве способна хоть как-то исправить ситуацию. Однако он быстро убедился в нежелании большей части гласных защищать крестьян, в косности и малоэффективности земских учреждений, склонных идти на компромиссы с чиновниками (с. 152–156). Тем не менее в 1875 г. его сделали сперва секретарём уездной управы, а затем — помощником секретаря в городской. Это не помешало ему установить связь

с местным революционным кружком, членами которого являлись Л.Н. Гартман, А.С. Емельянов (Боголюбов), М.Р. Попов, Г.М. Тищенко и др. Когда же, опасаясь ареста, они стали покидать город, Осинский уволился со своей должности и в сентябре 1876 г. уехал в Петербург (с. 157–163, 170–171). Милевский объясняет этот шаг не только стремлением служить народу, но и жадой яркой, насыщенной, интенсивной, героической и бескомпромиссной в моральном отношении жизни, открывавшейся тогда только для революционера (с. 164–165).

В октябре 1876 г. Осинский примкнул к только что возникшему обществу «Земля и воля». Милевский кратко характеризует программу данной организации (с. 186–187), стремившейся к ликвидации собственности на землю и собиравшейся передать в пользование крестьянам столько десятин, сколько они смогут обработать своим трудом (при регулировании поземельных отношений общиной). Чтобы осуществить свой замысел, землевольцы планировали, поселившись в деревне, постепенно готовить крестьянское вооружённое восстание. При этом о борьбе за демократию в программе не упоминалось, Россию предполагалось превратить в полуанархическую федерацию самоуправляющихся общин. Вместе с тем допускались террористические акты против чиновников, наносивших вред революционерам².

Осинский вошёл в так называемую дезорганизаторскую группу «Земли и воли». Её задача состояла в освобождении из-под ареста товарищей, убийстве шпионов и предателей, в совершении действий, способных парализовать работу правительственных учреждений. Среди землевольцев Валериан Андреевич пользовался большой популярностью как обаятельный человек и прекрасный рассказчик, но

его таланты революционера-практика раскрылись далеко не сразу (с. 189–193). К тому же за попытку 1 марта 1877 г. проникнуть по фальшивым билетам на процесс 50-ти его на три месяца отправили в тюрьму, затем, правда, освободив без каких-либо последствий (с. 196–203). Одновременно он устраивал свою личную жизнь, в начале года познакомившись и уже 26 сентября вступив в брак с 23-летней радикалкой М.Г. Никольской (с. 207–209, 229).

Милевский подробно описал «боголюбовскую историю», т.е. совершённое по приказу петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова 13 июля 1877 г. в Доме предварительного заключения в Петербурге наказание розгами Емельянова (осуждённого под фамилией Боголюбов), последующее избивание протестовавших заключённых и перевод некоторых из них в карцер. После случившегося у Осинского, как и у многих других революционеров, не осталось сомнений в том, что такая власть понимает только язык силы (с. 210–227). Несколько позже он говорил: «И естественное чувство самозащиты, и честь товарищей, и интересы революции — всё зовёт нас отвечать на насилие насилием»³. Вопреки программе «Земли и воли», поневоле приходилось задуматься о борьбе за гражданскую и политическую свободу, при которой не будет преследований за пропаганду социализма и расправ в тюрьмах (с. 232–233).

Осинский участвовал в подготовке неудавшегося побега рабочего П. Крылова (с. 229–230)⁴, потом взялся за освобождение из киевской тюрьмы руководителей «Чигиринского заговора» Я.В. Стефановича, Л.Г. Дейча и И.В. Бохановского, готовивших крестьянское восстание в Киевской губ. Осенью 1877 г. он ездил в Киев и там сумел расположить к себе од-

ного из надзирателей, согласившегося передавать арестованным письма, деньги, продукты, а также выполнять различные их поручения (с. 230–233).

Характерно, что в Киеве Осинский первоначально выступал (возможно, из партийных соображений) как ортодоксальный земледелец — сторонник социальной революции и противник борьбы за ту или иную сугубо демократическую программу. Однако ситуация менялась по мере того, как он устанавливал связи с представителями различных общественных групп — местными революционерами, украинофилами, либералами, студентами. Осинский со всеми находил общий язык, для всех становился своим. Именно ему как вызывавшему наибольшее доверие предоставляли значительные суммы на революционные дела богач-народник Д.А. Лизогуб, конституционалистка гр. А.С. Панина и др. (с. 239–246, 293–295, 310, 380).

В начале декабря 1877 г. Осинский участвовал в импровизированном съезде «Земли и воли» в Петербурге, где упорно настаивал на дальнейшем использовании и развитии чигиринского опыта Стефановича, который массово вовлекал крестьян в тайную революционную организацию, выдавая себя за посланца императора и демонстрируя фальшивую царскую грамоту. Однако «Земля и воля» от столь смелой идеи отказалась (с. 249–250). Не подержала она и намерение Осинского поручить дезорганизаторской группе «экспроприацию государственных, общественных, а в крайнем случае и частных имуществ» (с. 253–254).

Землевольцы по-прежнему не желали переходить от подготовки социального переворота к политической борьбе. Осинский же в начале 1878 г. уже мечтал о предоставлении всевозможных свобод и парламентаризме

(с. 273–274). В январе дезорганиза-торская группа готовила покушение на Трепова, но её случайно опередила В.И. Засулич. «Хорошо знавший» террористку «Валериан восторгался её поступком до такой степени, что хранил у себя в вещах её фотографию» (с. 259). Сам он сразу же вернулся в Киев, и уже 1 февраля, буквально через несколько дней после его появления, близкий к нему Ив.Н. Ивичевич смертельно ранил полицейского агента А.Г. Никонова (с. 270–271).

Но этого оказалось мало. Как пишет Милевский, Осинский «не был бы самим собой, если бы мог только посылать других в бой... Ему самому нужно было переступить через страшную черту — поднять руку на человека. Нарушить одну из самых строгих христианских заповедей». По словам историка, «это было серьёзное испытание, своего рода мировоззренческая инициация» (с. 274–275). Вместе с тем, готовя очередное убийство, «Осинский добивался сразу двойного результата. С одной стороны, сам становился непосредственным участником террористического предприятия, чем ещё сильнее укреплял свой авторитет. С другой — демонстрировал власти решительность и силу революционной партии, тем самым повышая её престиж, в том числе в глазах городских обывателей» (с. 277). На этот раз убить решили товарища прокурора Киевского судебного округа М.М. Котляревского. Его оклеветал один из сидевших по «чигиринскому делу», что почти тут же выяснилось, но «приговор прокурору отменить не стали»: «Решили свести с ним счёты, дабы другим судебским неповадно было излишне усердствовать или тем паче чинить насилие». К тому же считалось, что Котляревский вёл себя с арестантами «чрезвычайно грубо» (с. 275–276). 23 февраля Осинский и А.Ф. Медведев стреляли

в него, но лишь испортили ему ентовую шубу. Это выяснилось не сразу и непосредственно после покушения Осинский сообщил В.К. Дебогорию-Мокриевичу о том, что Котляревский убит. Собеседник потом припомнил ему «ту ночь», не советуя «очень увлекаться террором» при таком нервном характере (с. 275–282, 286).

Между тем в Киеве начались аресты и обыски. Задержание ни в чём не повинного студента университета Н.И. Подольского привело к волнениям учащейся молодёжи, которые разогревал своими речами на сходках и Осинский. В результате последовали новые аресты, после чего из университета исключили 134 человека, а 15 отправили в ссылку, в основном в северные губернии (с. 290–293).

Тогда же получили распространение прокламации с печатью не существовавшего на деле «Исполнительного комитета Русской социально-революционной партии» (ИК РСРП, или Южный ИК), являвшегося изначально мистификацией Осинского. Со временем же Южным ИК стали называть организационно никак не оформленную группу лиц из окружения Осинского, куда входили 15–20 человек, включая Л.К. Брандтнера, И.Ф. Волошенко, Лизогуба, Медведева, Ивана и Игнатия Ивичевичей, Г.А. Попко, В.А. Свириденко, А.Е. Сентянина и др. (с. 282–283, 286–287, 298–300, 303–304, 310, 313). К Южному ИК присоединялись и лица с уголовным прошлым, утверждавшие, будто прониклись социалистическими идеями, как, например, «профессиональный разбойник» И.А. Рашко (после ареста выдавший всё, что знал) или матросы-дезертиры И.И. Тищенко и П.П. Ключников (с. 305–309, 395–396). Доверие к «разбойным» людям отчасти объяснялось шедшей ещё от М.А. Бакунина их романтизацией и идеализацией, а также

чрезмерной терпимостью Осинского к своим товарищам.

Вечером 25 мая 1878 г., выполняя решение Южного ИК, Попко после некоторых колебаний и сомнений⁵ смертельно ранил помощника начальника Киевского губернского жандармского управления (ГЖУ) штабс-капитана барона Г.Э. Гейкинга, обвинявшегося в высылке студентов и в усердном расследовании «Чигиринского дела» и покушения на Котляревского (с. 317, 353). А в ночь на 27 мая Стефанович, Дейч и Бохановский бежали из заключения. Их побег Осинский готовил с осени 1877 г. М.Ф. Фроленко, устроившийся в киевскую тюрьму в тюремный замок, прошёл там путь от сторожа до надзирателя и ключника и вывел узников за ворота, где их уже ждал в повозке Осинский, переправивший их затем в Кременчуг (с. 318–320).

На этом успехи Южного ИК завершились. 2 июля в Харькове арестовали Медведева. Две попытки освобождения его из тюрьмы закончились неудачей (с. 328, 361–364, 393–397). 5 августа в Одессе были задержаны Лизогуб, Попко и Чубаров. 29 августа в Харькове в руки полиции попал Сентянин, оказавший при аресте вооружённое сопротивление (с. 341, 350, 364).

В августе Осинский вновь безуспешно убеждал в Петербурге своих товарищей-землепольцев в необходимости политической борьбы. Там же он сблизился с С.А. Лешерн фон Герцфельд (с. 351–354). Немолодая (36 лет) и некрасивая женщина стала его любовницей и соратницей. В начале осени 1878 г. она переехала в Киев и активно занялась делами Южного ИК (с. 358–359, 368–369). Тем временем жену Осинского, находившуюся с 9 марта под арестом, в августе выслали в Вологодскую губ. (с. 207, 262).

Летом и в начале осени к Южному ИК примкнули Свириденко, П.А. Ор-

лов и Г.Д. Гольденберг. Выстроилась структура организации, во главе которой стояли Осинский и его ключевые помощники — Волошенко, поддерживавший связь с интеллигенцией, и Свириденко, отвечавший за боевые операции. Налаживалось взаимодействие с другими местными революционными кружками (с. 365–373). Так, вместе с группой И.И. Басова планировалось совершить 9 декабря экспроприацию денег у лиц, сопровождавших почтовый транспорт, на дороге между Киевом и Житомиром. Но до этого не дошло. Тем не менее, по мнению Милевского, «грань между актами политического террора и реальным экономическим терроризмом или даже разбойничеством становилась всё более зыбкой» (с. 399–402). Однако борьба с авторитарным государством требовала средств, и революционеры вполне логично начинали покушаться на казённую собственность.

3–4 декабря Осинский вёл в Киеве переговоры с «левыми» земцами И.И. Петрункевичем и А.Ф. Линдфорсом, предпочитавшими мирные методы борьбы за политическую свободу и демократию. Они хотели, чтобы Южный ИК приостановил террор, предоставив им возможность подавать властям петиции и вести агитацию в обществе. Осинский не верил в успех подобных кампаний и считал необходимым угрожать правительству насилием. Договориться не удалось. Впрочем, и сам Петрункевич через несколько месяцев, не найдя понимания в земской среде, признал правоту Осинского, хотя, конечно, и после этого не стал сочувствовать террористам (с. 410–416).

Между тем новый помощник начальника Киевского ГЖУ Г.П. Судейкин с помощью филёров и одного агента выследил места, где проживали и собирались люди из Южного ИК. 24 января 1879 г. были арестованы Осинский⁶, Волошенко и Лешерн,

11 февраля — Брандтнер, Свириденко, Орлов и др. Осинский при аресте «изрыгал страшные проклятья» и «с лихорадочной поспешностью начал вынимать что-то из-под пальто» (это позднее рассматривалось как попытка вооружённого сопротивления и даже покушение на Судейкина, который «схватил его за руки»). Лешерн стреляла в полицейского, но её револьвер дал осечку. Отстреливались Брандтнер, Свириденко, а братья Ивичевичи были смертельно ранены ответными выстрелами (с. 325–326, 425–435, 443–448). Накануне разгрома Южный ИК в последний раз заявил о себе — 9 февраля Гольденберг смертельно ранил в Харькове губернатора Д.Н. Кропоткина (двоюродного брата теоретика анархизма) за избиение бунтовавших студентов и жестокие порядки в тюрьмах губернии. Убийце удалось скрыться, и он был арестован лишь через девять месяцев (с. 417–423, 440–443).

13 мая Киевский военно-окружной суд приговорил Осинского и Лешерн к расстрелу, а Волошенко отправил на 10 лет на каторгу (с. 488–506). Киевский генерал-губернатор М.И. Чертков заменил Лешерн смертную казнь на пожизненное заключение. Осинского же и осуждённых ранее Брандтнера и Свириденко Александр II повелел повесить. На последних свиданиях с родными Осинский сохранял самообладание, шутил, говорил о близком торжестве революции, о будущей свободной, демократической России (с. 509–518). В его прощальном письме к друзьям и товарищам содержались, по выражению публикаторов-землепольцев, «практические указания», касавшиеся того, как «серьёзно повести дело террора» (с. 533–534). Священника он не принял, сказав, что ни в Бога, ни в загробную жизнь не верит (с. 519). Милевский считает, что «Осинский в последние часы жизни победил страх перед виселицей, а стало быть, и пе-

ред смертью» (с. 521). Казнь состоялась 14 мая. Революционер умирал мужественно и мучительно: петлю накинули небрежно, и перед кончиной он метался и судорожно бился ногами (с. 521–529). Его гибель психологически способствовала образованию «Народной воли» (с. 535–536).

В «Эпilogue» автор указывает: «Представители этого поколения, ушедшие в революцию идеалисты и мечтатели, действительно во многом заблуждались. Они вдохновлялись весьма спорными и оторванными от реальности социальными теориями, излишне идеализировали русского мужика, недооценивали экономический фактор и природу российской государственности. Однако... они одними из первых увидели историческую обречённость существующего российского государственного Левиафана, напрочь игнорировавшего симптоматичные общественные процессы и не желавшего поступаться даже частичками своей абсолютной власти. В отличие от благонамеренной части общества эти “больные души” начали действовать, иногда наивно и импульсивно, как это присуще молодости... Однако... именно эти “мечтатели” продемонстрировали всему миру силу человеческого духа и самопожертвования, положенных на алтарь служения идее политической свободы и социальной справедливости» (с. 539–540). Соглашаясь с этим, нельзя не признать, что для характеристики личности Осинского совершенно не подходит термин «нигилизм». Несмотря на атеизм и материализм, он оставался идеалистом, искавшим социальную правду и погибшим ради неё.

О.А. Милевский написал хорошую, вдумчивую, качественную книгу⁷. Она не только познавательна, но и заставляет задуматься над многими проблемами — как историческими, так и моральными.

Примечания

¹ О влиянии Евангелия на будущих народников см. также: *Кан Г.С.* «Народная воля» в историографии последних лет // *Российская история.* 2020. № 2. С. 128; *Кан Г.С.* Вера Фигнер — известная и неизвестная // *Российская история.* 2021. № 2. С. 215.

² Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. II. М.; Л., 1965. С. 30–33.

³ *Русанов Н.С.* На родине. 1859–1882. М., 1931. С. 120.

⁴ В книге он фигурирует как А.А. Крестовоздвиженский — по фамилии из фальшивого паспорта. См. также: *Буланова-Трубникова О.* Варвар // *Суд идёт!* 1928. № 22. Стб. 1235.

⁵ *Стеблин-Каменский П.А.* Григорий Анфимович Попко // *Былое.* 1907. № 5. С. 189, 191.

⁶ Беседа в марте 1882 г. с арестованным Стефановичем, Судейкин вспоминал, как «выбрал самого несчастного, плюгавого городского и приказал ему остановить Осинского на улице и попросить в участок. Я был уверен, что Осинский пойдёт, потому что ему и в голову не мог-

ло прийти, что для его ареста избрали тщедушного, мизерного бударя!» (Неопубликованное письмо Я.В. Стефановича Л.Г. Дейчу / Публ. Л.Я. Лурье и А.Б. Рогинского // *Учёные записки Тартуского государственного университета.* Вып. 369. Труды по русской и славянской филологии. XXVI. Литературоведение. Тарту, 1975. С. 194).

⁷ Но, конечно, и в ней встречаются досадные неточности. Так, А.И. Корниловой-Мороз ошибочно приписаны (с. 100) слова кн. П.А. Кропоткина (*Кропоткин П.А.* Записки революционера // *Революционеры 1870-х годов.* Воспоминания участников народнического движения в Петербурге. Л., 1986. С. 86, 89–90). Кружок М.А. Натансона сложился не в начале (с. 177), а поздней весной 1876 г., и был преобразован в общество «Земля и воля» в октябре того же года. Тогда же к нему присоединился А.Д. Михайлов, до этого не входивший в какие-либо революционные кружки и прибывший из Киева в Петербург только в августе 1876 г. (Показания А.Д. Михайлова на следствии // *Прибылева-Корба А.П., Фигнер В.Н.* А.Д. Михайлов. Л.; М., 1925. С. 88, 98, 111).

Андрей Николаев

Первая научная биография «вождя чёрной реакции» Н.Е. Маркова*

Andrey Nikolaev

(Herzen University, Saint Petersburg, Russia)

The first scientific biography of «the leader of the black reaction»

N.E. Markov

DOI: 10.31857/S2949124X24030158, EDN: GCLJNE

А.А. Иванов создал первую как в отечественной, так и в зарубежной литературе научную биографию Н.Е. Маркова — руководителя одной из крупнейших дореволюционных политических партий, принадлежавшего к числу известных и узнаваемых депутатов Государственной думы, лидера правой русской эмиграции. В книге впервые реконструирован весь жизненный путь Маркова — от рождения до смерти, выделены и освещены основные этапы его политической

деятельности. Монография является результатом двадцатилетнего труда и логично продолжает и углубляет работы автора, посвящённые правым политикам¹.

Исследование Иванова основано на широком круге источников, выявленных историком в зарубежных (США, Германия, Украина) и российских, как федеральных (ГА РФ, РГВИА, РГИА), так и региональных (ГА КО, ЦГИА СПб) архивах, в Отделе рукописей РГБ и в коллекциях

* *Иванов А.А.* Вождь чёрной реакции: Николай Евгеньевич Марков. СПб.: Владимир Даль, 2023. 639 с.